

Детские годы нового флагамена писательского цеха Франции совпали с невероятным расцветом культуры. Фильмы и книги несли мощное жизнеутверждающее начало, повторить которое современная культура не в состоянии. Казалось бы, в чем казус: талантливые творцы существовали во все времена, и нынешнее – не исключение. Но почему же тогда новейшая эпоха не может создать подобные светлые по духу и игриво легкие по исполнению произведения?

Вечная истина: дважды в одну реку не войти. И невозможно человеку из двадцать первого столетия, возвращенному в иных социальных и культурных условиях, окунуться в главное ощущение шестидесятых годов прошлого века, а именно – необычайную радость бытия, наполнявшую душу всей мировой, и советской в том числе, цивилизации. В подобном состоянии и творятся культурные шедевры. Современный же западный мир, лишенный подобной полноты ощущений, находится в полудреме, полужизни. Во всяком случае, таков внутренний посыл последнего романа Мишеля Уэльбека «Серотонин». Да и сам роман тоже лишен внутренней энергии. И это первое, что приходит в голову во время чтения, хотя воспринимать любое серьезное произведение, а именно таковым его видит современная критика, односторонне невозможно. Как правило, к рассмотрению принимается несколько планов – сюжет, идея, стилистическая сторона, проблематика... Однако в случае с «Серотонином» не все так просто. С перечисленным все в общем-то хорошо, но! Учитывая упадническую ауру книги, начинаешь взвешивать и это «хорошее», и эту ауру, перетягиваю-

щие, как силачи канат, мнение читателя то в одну сторону, то в другую, – чтобы в итоге понять, что главным критерием ее оценки станет ответ на вопрос: чему учит произведение, чем оно ценно для внутреннего роста?

Так сложилось, что любые авторы, любые произведения, принятые критикой за эталон философского и эстетического воздействия на умы хотя бы какой-то одной эпохи, внутренне сопоставляются с творчеством общепринятых классиков. В случае с «Серотонином» Уэльбека сравнение совершенно неуместно. Отсутствует важнейшее качество крупной литературы – поиск путей возвышения духа; да и с другими важными деталями не комильфо: ни развернутого сюжетного полотна с несколькими линиями развития, ни достойных изучения персонажей, за исключением друга главного героя Эмерика, и, главное, где тот внутренний накал, который бы оправдал выбор критиков и удостоился внимания истинных любителей художественного слова? И драма, и что-то должествующее напоминать трагедию пресны, как в лишенном истинной глубины и чистоты чувств мире. Опустошение мраком, в котором существуют герои, так сильно, что не спасает и попытка вытащить сюжет на клубничке. Более того, она воспринимается как латание дыр спекуляцией на низменном начале, и это не признак классической литературы. А уж сцены мастурбирования персонажей и вовсе схожи с провокацией хулигана.

Каждое время выбирает себе героев. Так кто он, Мишель Уэльбек: бунтарь-одиночка, каким представляют его порой критики, или деградант анархистского толка? Этот вопрос не оставляет по прочтении всего романа. И казалось бы, второе наверняка, однако ближе к финалу автор вводит в повествование Эмерика, а вместе с ним расширяется и парадигма проблематики романа, прежде стоявшая на основе простой проблемы – связанная с кризисом среднего возраста утрата смысла жизни главного героя и попытки его

нового обретения. Упадническое настроение главного героя получает не то чтобы оправдание, но хотя бы понимание: рушится мир! И не только его внутренний. К проблеме психологической добавляется социальная. Речь о глобализации общества, уничтожающей привычный мир французских фермеров и обрекающей их на нищету и зыбкость существования. И сразу вспоминаешь вечную истину: жизнь не любит одноплановых ответов, потому как Уэльбек теперь предстает перед нами едва ли не писателем-социалистом, поддерживающим простых людей.

Невозможно сказать наверняка, но все же создается ощущение, что автор отнюдь не случайно вожаком фермеров, восставших против несправедливости нового миропорядка, «назначил» дворянина знатного древнего рода. И если это действительно так, то роман не так прост, как кажется поначалу, а декадентство и секс-аура – лишь внешняя оболочка, скрывающая главную цель книги – изображение бунта фермеров и их лидера Эмерика. Если задуматься, то кто есть элита общества? Ответы могут быть разными, но суть в том, что это соль народа, выделившаяся из него для его защиты, – лучшие умы и подвижники духа, самые способные и достойные. Вожаки общества – те, на кого опирается надежда простых людей. К сожалению, двадцать первый век – век гламура, с бунтарством и внутренней независимостью не сочетающегося. Вот почему Эмерик обречен. А ведь истинный, скрытый главный герой романа именно он и есть: ничто не мешает ему «продать ферму, возобновить членство в “Жокей-клубе” и спокойно провести остаток жизни», однако Эмерик остается верен чувству долга – защищать простых людей, выступать против молоха глобализации, уничтожающего достоинство независимого труда.

К разочарованию, на этом бунтарский дух писателя иссяк, и мы снова оказываемся в мрачном, пессимистическом аду одиночества и страдания Флорана-Клода. И даже ли-

ричная концовка со светлой идеей не в состоянии спасти роман, потому что рождается она вне всякой связи с сюжетом. Умные мысли, приклеенные к фабуле, лишают произведение эффекта художественности.

Одна из глав начинается с вопроса Флорана-Клода: «Способен ли я быть счастливым в одиночестве? Вряд ли. И вообще способен ли я быть счастливым? Такие вопросы, я полагаю, лучше себе не задавать». И все же человек рождается и живет для любви и радости. И каким бы пессимизмом ни убивал сам себя главный герой, он пытается вырваться из его тисков к свету. Одно время ему казалось, что он нашел такую возможность, и, надо сказать, подобный образ мысли характерен для всей нынешней Европы: «Теперь все изменилось, поднявшись по социальной лестнице хоть и без особого блеска, но достаточно высоко, я мог отныне и, надеюсь, навсегда избежать физического контакта с опасными классами общества, я пребывал теперь в своем личном аду, который я сам создал себе по своему вкусу». Бегство от борьбы, как видим, не приносит долгожданного покоя.

Для Флорана-Клода юность, соприкасающаяся с истинным счастьем, связана с «верой в необъятность и открытость мира», и когда эта вера ушла, «реальность сомкнулась надо мной раз и навсегда». Красивая метафора, отражающая внутреннее ощущение героя – погружение в пучину обыденности. И все же погружать своего героя во тьму легче, чем вывести к свету. Вот почему романтизм со своим героем-победителем куда полезней, чем подобный полынный декаданс. Да и переключки с «Утраченным временем» Пруста не вышло, хотя она и обозначена, правда, несколько в ином ключе – как поиск утраченного счастья. Меланхолия Пруста, вопреки всему, утверждает радость жизни, в то время как наблюдаемая в «Серотонине» психологическая драма обесмысленного бытия поглощается в унылой пове-

ствительной монотонности, так же как поглощается в ней всякая жизнь и характеры персонажей.

А ведь по внутренней структуре роман многопланов. Здесь и проблема утраты любовной общности между людьми, и связанная с нею одной цепью тема духовного кризиса западной цивилизации с ее профанацией жизни. Не случайно ежегодно, судя по ссылке Уэльбека на официальную статистику, двенадцать тысяч французов «принимают решение исчезнуть, оставить семью и начать новую жизнь, иногда на другом конце света, иногда в своем же городе». Новые «ценности» Европы удобряют почву для развития общественного инфантилизма, ведь человек, утрачивающий чувство ответственности перед родными, подрывает родовые корни, а с ними лишается и внутренней силы. В результате коренных французов теснят мигранты, объединенные принципом родового патриархального воспитания. Как инфантил поступает и Флоран-Клод: «...мой проект удался на славу, вот до чего я дошел, западноевропейский мужчина среднего возраста, вполне обеспеченный на несколько лет вперед, без родных и друзей, не имеющий ни личных планов, ни истинных устремлений, глубоко разочаровавшийся в своей профессиональной жизни, в личном плане переживший много разнообразных романов, общим знаменателем которых был разрыв, и не видевший смысла в жизни, равно как и в смерти».

В целом «Серотонин» выступает как роман-трагедия, побуждающая к критическому осмыслению развития современного мира в условиях глобализации, с такой ее социальной и поведенческой моделью, которая дотла выжигает человека изнутри и лишает смысла жить. Сопrotивляющаяся подобному мироустроению Франция олицетворена в образе Эмерика и его соратников, но выстоять малой горстке против бездушной государственной машины невозможно, вот почему обреченный борец-одиночка убивает себя, не на-

ходя поддержки среди конформистски инфантильного народа. Таким образом, гибель Эмерика символизирует уничтоженные надежды и саму основу индивидуальной свободы. У простонародной Европы украли мечту.

В финале Уэльбек затрагивает христианские темы. Только в христианстве с его проповедью любви и духовного очищения он обнаруживает спасение. Равнодушие со своим принципом «моя хата с краю» ведет к разобщенности, покорности и обрекает в конце концов на рабство. И в этом плане показателен образ птицефермы с полуживыми курами, символизирующий состояние французского общества, превратившегося благодаря своей бесхребетной толерантности в испуганных облезлых несушек.

Вот почему благодаря многозначительному скрытому плану, вопреки всей своей депрессивности, роман вызывает такое брожение мнений и признание некоторой части читателей и критиков, которых не смущает даже то, что интрига, будет ли встреча Флорана-Клода с бывшей возлюбленной и свет в конце тоннеля, исчезает вместе с пониманием, что пессимизм главного героя не может привести к счастливой развязке и что унылая линия повествования не завершится искупляющим ее взрывом.

И здесь самое время вернуться к образу перетягивания каната, причем противостоящие друг другу борцы близки по силам: с одной стороны, в необычной, с горьковатым привкусом подаче тема страдания западного человека в его внутреннем одиночестве, а также проблема глобализации сквозь призму личностного разрушения, приведшего к неспособности бороться против агрессивного давления внешних сил, да и вообще сопротивляться, потому-то и «Серотонин» – имитация покоя, соломинка утопающего в собственных страхах западноевропейца, а с другой... А что с другой? Деструктивность романа, ломающая наши внутренние эстетические установки, сметает все его досто-

инства. И этим выводом можно было бы поставить жирную точку в нашем критическом перетягивании, если бы не очередное «но!». Теперь уже в пользу «Серотонина».

Для чего читает подкованный читатель? – чтобы думать! Для чего пишет серьезный писатель? – чтобы делиться пищей для размышлений. И вот как раз в этом отношении роман весьма показателен: по данным ВОЗ, 26 % всех зарегистрированных в ЕС заболеваний приходится на депрессию. Вот и вызванная этой болезнью деградация доводит Флорана-Клода до замысла убить ребенка своей бывшей возлюбленной, чтобы страдание побудило ее вернуться к нему как единственному объекту любви. Такова обрисованная Уэльбеком перспектива человека новоевропейской глобализационной формации – постепенное скатывание к депрессионно-шизофреническому психозу и саморазрушению. Об этом ли мечтало человечество?

Роман, безусловно, глубок и заставляет думать и думать, однако опять очередное «но!» – уже подытоживающее. Литература призвана помогать человеку жить. Такова ее сверхзадача. Скрепя сердце и с больши-и-ими оговорками принужден признать, что баланс положительного и отрицательного в романе «Серотонин» близок к паритету. Главным достижением книги является протестное изображение нового, обезчеловеченного, даже, скорее, обездушенного мира по принципу птицефабрики. Главным же недостатком... А из-за него, собственно, роман «Серотонин» и провозглашается за образец – для сатанинского оболванивания масс с целью привития дурного вкуса. То ли ящик Пандоры, то ли троянский конь со скрытой внутри разрушительной пропагандой уныния – без надежды, веры и идеалов. Самое то для формирования низменно-потребительского духовного мира новой эры.

Герой умер.